

ЕСТВО

НАШ АЛЬМАНАХ

Михаил Степанович Хижняков, уроженец Тотемского района. Из Тотмы ушел «учиться на артиста», а потом на фронт. Сейчас артист Хижняков — любимец рижской публики.

ЕЩЕ звучали последние аккорды симфонии, а за кулисами концертного зала Латвийской филармонии, у дверей артистической, стоял невысокого роста мужчина с пышной копной седых волос. Рижане сразу узнали бы в нем артиста театра русской драмы Михаила Хижнякова. Со стороны могло показаться, что Михаил Степанович готовится к выходу на сцену—он волновался, как перед каждой встречей со зрителями.

Но вот концерт окончен. Известный композитор, народный артист СССР Тихон

Хренников. Мы вас в лицо не знали. Но вы назвали себя по телефону: Хренников! Мой товарищ—Володя Кунин моментально толкает меня в бок и говорит: «Ты знаешь, это Хренников, автор оперы «В бурю». Мы должны с ним поговорить!..». И мы решились... Вы охотно начали с нами разговаривать, вы хорошо нас поняли... И мы пошли вас провожать. Мы много часов, до утра, ходили по Свердловску. И вы нам как-то по-новому, очень серьезно рассказали о войне, о том, что время сейчас чрезвычайно тяжелое, что гибнут люди, что немцы рядом с Москвой... Я тогда впервые услышал от вас фразу: «Когда гремят пушки, музы молчат»...

Впрочем, музыка самого композитора в эти дни не молчала. Тихон Николаевич, уже в это время известный музыкант, много писал, рождались симфонические произведения, музыка к кинофильмам, театральным постановкам. «Вторая симфония» — это музыкальный памятник бесстрашию и славе защитников Москвы.

И по мере того, как Хижняков рассказывал о давней встрече, лицо Хренникова светлело.

— Вы знаете,—тихо заговорил Хренников,—я сейчас вспоминаю. Я приехал в Свердловск навестить свою семью—там в эвакуации были жена и маленькая дочка.

Тихон Николаевич сделал паузу, внимательно посмотрел на своего собеседника, спросил: а что же с вами было дальше, Михаил Степанович?

— А было вот что: встреча с вами, и то, что вы говорили нам в тот вечер, сделало нас сразу старше, серьезнее. На следующее утро после встречи с вами мы с Володей Куниным пошли в райком комсомола и ушли добровольцами на фронт...

— Я не знал последствий нашей встречи!—взволнованно воскликнул Хренников,—как хорошо, что вы живы! Я теперь понимаю, да и вы тоже, конечно, что уход на фронт—это был решительный шаг молодого человека к зрелости. Фронт и все события того времени отглаживали свой неизгладимый отпечаток на всю жизнь. И на творчество.

— Да, вы правы, Тихон Николаевич,—сказал Хижняков. — Есть такие события, которые, выражаясь словами Хемингуэя, всегда с нами. Когда затихли пушки и заговорили музы, я ушел в театр, до сих пор работаю в театре. Но тот памятный вечер в Свердловске всегда со мной.

Хижняков и Хренников пожали друг другу руки, оба взволнованные встречей.

Вот и все, что произошло в тот вечер за кулисами концертного зала Латвийской филармонии. Через тридцать лет, почти треть века спустя встретились два человека. Они не только вспоминали прошлое, они как бы заново прошли рядом по жизни, и с их судьбах—известного композитора и драматического актера, заслуженного артиста республики — мы словно увидели судьбу нашего искусства, всегда несущего в себе неиссякаемую веру в торжество светлого, доброго, человеческого.

Л. КОВАЛЬ,
Г. МЕРСОН.

г. Рига.

Один вечер и треть века

Николаевич Хренников—а это был его авторский концерт в Риге—с букетами цветов, усталый, отрешенный, входит в артистическую... И тут, выждав паузу, к композитору подходит Хижняков.

— Я вас не задержу, — смущенно говорит он, — понимаете, я не мог не прийти, но, наверное, так и не решился бы, если бы не они,—он кивнул в сторону журналистов.—Неделю назад я шел по городу и увидел вашу афишу. И так разволновался, что не спал всю ночь... Я сейчас попытаюсь все объяснить...

Михаил Степанович говорит, а в глазах Хренникова—удивление, он напряженно вспоминает: где, когда он видел этого человека?

А Хижняков, справившись с волнением, продолжает:

— Я напому вам маленький эпизод. Вы его не помните, может быть. Это был конец октября—начало ноября 1941 года. Я учился в Свердловске, в театральном училище. Мы ютились в маленькой комнатухе, наше общежитие было занято рабочими Харьковского тракторного завода, эвакуированного на Урал... Мы были фанатично влюблены в театр, музыку, искусство и в свои восемнадцать лет не очень еще понимали, что такое война, насколько это сложно, насколько это страшно, тяжело... И вот однажды вечером, когда мы в своей комнатухе о чем-то спорили с друзьями, на пороге появились вы. У нас был телефон, и вы зашли поз-